

Судьба связала нас

Славутичане Николай и Тамара Морозовы вместе идут по жизни уже свыше 50-ти лет, а точнее – в конце июля они отметят 55-й юбилей совместной жизни.

Прекрасный, живой пример любви, взаимопонимания, нежности и преданности для сегодняшнего молодого поколения, когда, по статистике, только за 2014, 2015 и 2016 годы в Украине развелось 389,8 тысячи пар, а заключили брак 823,5 тысячи. Приводим статистические данные за три года, чтобы сгладить ситуацию, а если взять один лишь 2016-й год, то здесь ситуация для института брака еще сложнее (229,3 тыс. зарегистрированных брака против 130 тыс. разводов).

Живой пример Николая и Тамары Морозовых привел корреспондента общегородской газеты «Теледень – Славутич» в Белгородский квартал, где и живут наши юбиляры. Тамара Антоновна встретила возле калитки коттеджного участка, и пока мы шли к дому, я успел полюбоваться цветами и яблонями, на которых гроздьями свисали спелые плоды. Николай Георгиевич встретил нас радушной улыбкой в одной из комнат. Здороваясь, оглядываю стены комнаты, которые привлекли внимание развешанными на них картинами. Заметив мой интерес, Тамара Антоновна с гордостью говорит, что это работа младшего сына Руслана, который хорошо рисует. А вообще в семье Морозовых три сына – Роман, Владимир и Руслан. Первый вопрос, который просился на волю: а как Тамара Антоновна и Николай Георгиевич встретились и где это произошло?

Рассказывает хозяйка дома: «В шестидесятые годы прошлого столетия мы жили недалеко от Санкт-Петербурга, тогда это был Ленинград,

в поселке городского типа Мга. В то время особых развлечений не было, а самым популярным местом отдыха были танцы. На танцах в Доме культуры мы и познакомились, когда он пригласил меня потанцевать».

Слушая Тамару Антоновну и Николая Георгиевича, я задумался над тем, какая интересная и непростая у них судьба. Ее родители попали в списки переселенцев, ее отцу пришлось работать по обслуживанию аэродромов под Москвой, а потом в районе Ленинграда. Рядом с поселком Мга, в селе, построили свой дом, но началась война. Во время оккупации северной столицы территория и населенные пункты были захвачены фашистами. Многие семьи, проживающие здесь, были насильственно отправлены на работы в Германию и территории захваченных стран, среди них была и большая семья Николая Морозова. Кроме него, в семье было еще пять братьев. Война также оставила свой отпечаток и на судьбе Тамары, у которой погибла старшая сестра и один брат пропал без вести.

Но вернемся к рассказу о том, как рождалась их семейная пара. Тамара Антоновна продолжает свой рассказ: «Мы стали встречаться с Николаем, с каждым мгновением понимая, что нам вдвоем хорошо и комфортно». Николай Георгиевич добавляет: «У нас, как и у многих молодых людей, был свой мост для встреч – это Поцелуев мост, который, как в песни поется, не разводится». Тамара Антоновна продолжает: «Он часто провожал меня домой или встречал, чтобы идти вместе на прогулку. И вот однажды нас увидел мой отец. Он стал

кричать матери, что дочь уводит и сам слез с крыши, на которой работал, и побежал за нами вдогонку. На его крик откуда-то появились охраняющие эту территорию солдаты и заставили его повернуть назад. Потом я всё же познакомила Николая со своими родителями – и летом 1963 года (30 июля) мы сыграли скромную свадьбу, а спустя почти год у нас родился первенец – старший сын Роман. Мы жили в доме его родителей, Николай, чтобы поддержать семейный бюджет, часто отправлялся на различные подработки, овладел профессией строителя. В свободное время мы пели в хоре Дома культуры, ездили в Ленинград на спектакли, концерты».

В город Припять семья попала, можно сказать случайно, а можно сказать, что и благодаря активной жизненной позиции и желанию строить свою судьбу своими руками.

Рассказывает Тамара Антоновна: «Мы приехали в гости к моим родителям отдохнуть. Мои родители рассказали о строительстве атомной станции и нового города и позвали перебраться к ним. В то время родителей Николая уже не было в живых, поэтому я ему сказала предложение моих родителей, но последнее слово в вопросе о переезде остается за ним. Мы обсудили вопрос и он сказал: «Давай будем переезжать». В разговор включается Николай Георгиевич: «Так в 1971 году мы приехали в Украину, в Киевскую область, село Залесье. Сначала я немного работал на сырзаводе, потом в 1972 году пошел в Управление строительством (руководитель – Кизима), получил специальность каменщика, принимал участие в строительстве поликлиники, детских садов – в общем, принимал участие в строительстве города. В 1976 году пошел в дирекцию строящейся атомной станции. Слесарем я попал сначала в химцех, а потом меня перевели в турбинный цех».

– А как решался в то время жилищный вопрос?

Тамара Антоновна: – Сначала мы жили у родителей. Младший сын Руслан родился в Чернобыле. В этот период, счастливый для нас и очень непростой с точки зрения жилищного вопроса, так как Николая не ставили почему-то на льготную очередь, а комната, выделенная нам, оказалась почему-то занятой, мы приняли решение идти на прием к прокурору, который прибыл из Киева с прокурорской проверкой. Прокурор при встрече расспросил нас о том, где мы работаем и сколько лет. Прошло три ме-

сяца, мы уже и не ожидали ничего, а нас вызывают и вручают ордер на трехкомнатную квартиру по улице Леси Украинки. Долгожданную квартиру я назвала «Припять – луч света в темном царстве». Спустя три года нам дали четырехкомнатную квартиру, мотивируя это тем, что у нас трое детей. В 1985 году Николаю дали пенсию, но он продолжал работать, а я работала в детском саду.

Николай Георгиевич продолжает наш разговор:

– 1986 год не предвещал особых трудностей. Мы благоустроили нашу новую квартиру, быт, можно сказать, налажился, но авария на четвертом блоке Чернобыльской АЭС, как и для всех припятчан и работников станции, поставила перед нами новые испытания. Мы покинули Припять. Спустя некоторое время перед нами встал вопрос о выборе нового места работы и проживания. Выслушав все предложения о дальнейшем месте работы, мы с Тамарой приняли решение ехать с моей бригадой на Ровенскую АЭС. На Ровенской, честно говоря, у нас не сложилось, не была достаточного жилья, отношение к нам, приезжим, устраивало нас не совсем, мы приняли решение вернуться на родную станцию, и в январе 1987 года я приехал в отдел кадров Чернобыльской АЭС. Сначала мне отказали в приеме на работу, мотивируя отказ моим возрастом, мне тогда уже исполнилось 52 года. Вернувшись домой, мы с Тамарой долго говорили и я принял решение попасть все же на станцию и поговорить со своими непосредственными руководителями. Я хотел работать в своем родном коллективе Чернобыльской АЭС. Для того, чтобы встретиться с руководителями цеха и станции, мне надо было сначала попасть на саму станцию, а для этого нужен был пропуск. Желание вернуться в родной коллектив сидело во мне так сильно, что я прибегнул к уловке, помогли художественные способности сына. На станции я встретил своего бывшего начальника химцеха, который очень удивился, что мне отказано, так как я был на хорошем счету по работе, и пообещал, что через пару дней будет встречаться с начальником отдела кадров и этот вопрос решит. Так всё и случилось, и в январе я уже работал на станции, сначала в химцехе, потом меня перевели в ЦЦР (цех централизованного ремонта). Одновременно мы вселились в коттедж № 38 в Белгородском квартале.

Во время нашей беседы периодически в комнату заглядывал средний сын Владимир, который с нежностью

смотрел на родителей, прислушивался к разговору и пытался что-то добавить. Я не удержался и задал Тамаре и Николаю несколько провокационных вопросов:

– Мне так кажется или действительно в семье главенствует матриархат? Как к этому относится Николай? Неужели за 55 лет не было крупных ссор, а мелкие как удавалось преодолевать?

С нежностью и любовью взглянув на жену, первым отозвался Николай Георгиевич:

– Это моя кормилица, моя отрада. В доме она всегда хозяйка!

Тамара Антоновна спешит поправить мужа:

– Главным кормильцем в доме, то есть наполнителем домашнего бюджета, всегда был он. В трудные времена он даже уезжал на работу в Тюмень, владея строительной профессией, по выходным дням подрабатывал на строительстве частных домов. А к вопросу о ссорах, то я крупных и не помню. Я считаю, что женщина должна создавать уют в доме, поэтому я обычно шла на уступки. Во время ссор мы обычно не разговаривали, и поэтому я писала ему письма и клала ему под подушку. Ждала ответа. А вообще-то мы старались с пониманием относиться друг к другу, не наносит друг другу обид. В жизни бывают всякие ситуации, но надо постараться понять любимого человека, без обид разобраться в сложившейся проблеме и решить ее.

Наверное, вот эта взаимная любовь, взаимопонимание и нежность помогают и сегодня Николаю Георгиевичу верить в счастливую звезду, которая подарила ему Тамару, верить, что годы прожиты не даром и что, несмотря на все трудности и невзгоды, он счастливый человек. А Тамара Антоновна, как и в юные годы, чувствуя нежность и любовь мужа, делает всё, чтобы поддержать его веру в себя, в его жизнеутверждающую позицию. В завершение разговора опять не выдержал Владимир и попросил меня, чтобы я уговорил родителей вместе спеть. Я с удовольствием сделал это, так как и из рассказов супругов Морозовых, и из встреч на различных мероприятиях, которые проводили пенсионеры и ветераны, слышал их пение. А в молодости вместе с братьями Николая они принимали участие в выступлениях самодеятельного хора. И еще подумалось, что нежность и душевная теплота рождается у молодого поколения не только из воспитательных разговоров, а из личного жизненного примера.

Николай БЕРЁЗКИН